

Анатолий Долженков

Дети перестройки

юмористическая проза

Анатолий Долженков

**Дети перестройки.
Юмористическая проза**

«Издательские решения»

Долженков А.

Дети перестройки. Юмористическая проза / А. Долженков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745101-1

Роман «Дети перестройки» — юмористическая проза. Эта книга об искусстве нашего человека выживать в самых непростых жизненных ситуациях, не теряя присутствия духа и чувства юмора. Герои книги — малоприспособленные к жизни люди, которым наконец-то улыбнулась удача. Это история, рассказанная о грустных, не совсем грустных и совсем не грустных событиях. Если настроение окончательно испорчено, Вам скучно или одолевает непроходящая депрессия, эта книга поможет отвлечься от надоевших проблем.

ISBN 978-5-44-745101-1

© Долженков А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дети перестройки Юмористическая проза

Анатолий Долженков

© Анатолий Долженков, 2017

ISBN 978-5-4474-5101-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Для весны это майское утро выдалось прохладным и по-осеннему сырым. Накрапывал мелкий, часто морозящий дождь, приумножая численность луж и превращая их в непреодолимую преграду для редких пешеходов. Улицы, ещё не заполненные в столь ранний час беспорядочно снующими людьми, выглядели пустынно и уныло. Лишь гулкие отзвуки шагов одиноких прохожих да царапанье дворницких метел о шершавое тело асфальта время от времени нарушали непривычную тишину.

На углу проспекта имени Ленина и улицы Колхозной, которые то ли по чьему-то недосмотру, то ли из-за отсутствия в городском бюджете необходимых средств ещё не удосужились быть переименованными во что-либо более демократическое и соответствующее духу перемен, стоял мужчина лет сорока – сорока пяти. Не требовалось особой наблюдательности, чтобы отнести незнакомца к самой малопочтенной категории наших сограждан. Опухшее, заросшее многодневной серой с проседью щетиной лицо, спутанный комок редких давно нечёсанных волос, через которые смутно просматривались грязно-жёлтые проплешины черепа и огромные дряблые мешки под глазами, не оставляли и тени сомнения, что мужчина пребывал в омерзительных лапах глубочайшего похмелья. Тяжело опираясь плечом о серую, пропитанную асфальтной пылью стену углового здания, он время от времени жадно затягивался сигаретой без фильтра, небрежно сплёвывая под ноги всякий раз, когда крошки табака попадали в рот. Впрочем, трудно назвать сигаретой грязный окурок, подобранный вероятно где-то здесь же, поблизости. Он был настолько коротким, что обжигал пальцы рук и потрескавшись от ветра губы курильщика, не причиняя ему очень уж больших неудобств. На мужчине было надето старое потрёпанное пальто с оторванным карманом и болтающимся на нескольких нитках воротником. За неимением иной одежды, пальто, вероятнее всего, использовалось как одеяние всесезонное. Истоптанные без шнурков ботинки, доживающие свою многотрудную жизнь, завершали непритязательный гардероб этой малопривлекательной фигуры.

В период бурного перехода страны от условий социального равенства к не совсем понятным отношениям под названием «рыночная экономика» с такими вот экзотическими фигурами всё чаще и чаще приходилось сталкиваться на улицах крупных и не очень крупных городов. Не было их разве, что в малонаселённых посёлках да деревнях, где людям, имеющим небольшой кусок земли в личном приусадебном хозяйстве, прокормиться было несравнимо проще. За короткое время эти люди-тени стали обыденным явлением повседневной жизни, обозначившись как одна из основных примет смутного времени.

По истечении нескольких лет, прошедших после объявления победы нового мышления над мышлением в целом, привычный и мало кого беспокоящий социализм после бурной непродолжительной агонии исчез из страны так стремительно, словно его там никогда и не было. Перестройка без особого напряжения перечеркнула семьдесят долгих лет интенсивного и, как утверждала пресса прежних времён, успешного социалистического строительства, не предложив взамен ничего путного и толкового. В самом начале преобразований народ довольно спокойно и где-то даже легкомысленно отнёсся к новшеству.

«Вот, мол, строили, строили что-то большое и светлое, наконец, построили, но неудачно. Теперь перестраивать будем, если, конечно, получится. Чем бы, как говорится, дитя не тешилось лишь бы...». В том, что не получится, что за много лет социалистического эксперимента руководство страны, направляемое «мудрой» коммунистической партией, разучились создавать разумное и необходимое не для системы, а для себя лично, сомнений не возникало ни у кого. Многовековой опыт выживания в самой беспокойной стране земного шара приучил ничему не удивляться и ничего хорошего от перемен для себя не ожидать, чтобы впоследствии не рвать душу и понапрасну горьких слёз не лить. Сколько всего пережили – револю-

ций, войн, разрух, коллективизаций – не перечсть. И ничего, слава Богу. Ни лучше, ни хуже. Средне. Разве что научились больше ценить спокойствие и плавное, без больших потрясений, течение жизни. Справедливости ради, следует отметить, что время от времени, у руководства страны исключительно по конъюнктурным соображениям, а не в силу желания что-либо поменять в лучшую сторону возникала потребность осторожно всколыхнуть болото и прервать ненадолго спячку. Ну, надо было, чтобы сон не стал летаргическим и необратимым. Тут же, немедленно, выдвигался прогрессивный лозунг и под лёгкий шелест дремлющих масс торжественно объявлялось соревнование или назначался почин. Всё это сценическое действие сопровождалось шумом, гамом, пылкими речами и криками фальшивых энтузиастов, назначенных ответственными за проведение торжественного мероприятия. Возникшая суэта на какое-то время пробуждала население, крайне ограниченное в выборе развлечений, вызывая непродолжительный и неподдельный детский интерес к происходящему. Немного пошумев, могучая волна инициатив, направляемая опытной рукой сверху, мягко откатывалась назад, не производя ни судьбоносных перемен, ни просто каких-либо существенных изменений. В лучшем случае народу предъявляли победителя соцсоревнования или назначали героя труда. И всё. А в этот раз что-то не так. Время шло, а волна не откатывалась. Хуже того – начало штормить. Новый хозяин партии круто загнул салазки. Довольно далеко и неосторожно отошёл от основных принципов прозябания.

«Вот человек-то, – умилялись люди в очередях и на общих собраниях. – Как за народ радеет. Какую волю дал. Неограниченную».

Но быстро минуло время восторгов, и на обломках идеологии прежней жизни, как грибы после дождя, проросли сомнения и беспокойство по поводу благополучного завершения очередного всплеска инициатив. Надежды тех, кто ожидал, что всё в конце концов вернётся в зад, успокоится и будет как прежде, не оправдывались. Наоборот, возникала непоколебимая уверенность в том, что где-то, по какому-то трагическому стечению обстоятельств или недосмотру, внутри надёжной государственной машины произошёл сбой, изменивший плавный ритм движения страны по накатанным схемам. Нарушился бесперебойно работавший много десятилетий ход возвратного механизма системы, и мощная многомиллионная громадина, гремя и скрипя всеми своими устаревшими, выходявшими гарантийный срок деталями, сорвалась с привычной орбиты и понеслась навстречу неизвестности, угрожая катастрофой всему окружающему миру.

Что же привело надёжную и на первый взгляд вечную государственную машину к самоуничтожению? Ведь никто же специально не ломал. Почему страна, сохранившая веру в незыблемость социалистических устоев, пронеся её сквозь бури войн и испытаний лишениями, вдруг утратила эту самую веру на ровном месте в условиях относительной стабильности и покоя. Ошиблись в выборе последнего лидера партии? Не того, что ли, выбрали? И это тоже. Выбрали не традиционного старичка, которому разрешалось недолго «поручить у власти» и через два – три года освободить место для такого же недолговечного. По непонятным и ныне причинам на первый план протолкнулся молодой, резвый, озабоченный переменами скакун, не успевший расплескаться на периферийных руководящих должностях фонтан кипучей, но как оказалось впоследствии разрушительной энергии. Вот и рассуждай после подобных фактов о роли личности в истории на предмет, может ли она, эта личность, изменить её ход. Оказалось, что может и не просто изменить, но и развернуть процесс в совершенно противоположную от привычного направления сторону. А что же народ? Не остановил, не осудил. Зачем допустил подобное безобразие? А что народ? Советский народ привык к тому, что все, что решается наверху – это правильно, а потому сомнениям и оценкам не подлежит. К огорчению многих, понимание необратимости изменений пришло слишком поздно. Повернуть ситуацию вспять было уже просто невозможно, да и некому. Жизнь настала тревожная и непривычная, поскольку витки её спирали раскручивались в направлении непонятном.

По ходу движения от социализма к неизвестности резко изменилось отношение и к самой жизни. Вдруг выяснилось, что теперь уже разрешено всё то, о чём бывший советский человек и мечтать-то боялся. Кто мог предположить, что, например, можно вот так запросто взять, да и навсегда покинуть Родину без каких-либо трагических последствий для себя и семьи. Никто. А оказалось, что уже можно. И вначале очень робко, с оглядкой и неуёмным тремором конечностей, а затем всё смелее и смелее толпы наших соотечественников стали заполнять собой близлежащие европейские государства и далёкий американский континент, сильно потеснив при этом аборигенов, традиционно населяющих эти территории. Слабые ручейки переселенцев из бывших социалистических республик, сливаясь в могучие потоки полноводных рек, заполнили собой почти весь европейский и значительную часть американского континента, довольно сносно там обустроившись. Жизненные потребности они имели минимальные и выживали там, где люди, привыкшие к благам цивилизации, выжить не могли. Очень скоро сытым европейцам, самодовольным американцам, да и другим не менее благополучным народам пришлось почувствовать на себе совершеннейшие механизмы выживания советского человека в любой среде обитания и при любом общественном строе. К всеобщей радости переселенцев обнаружилось, что в развитых демократических странах эти универсальные механизмы приспособления заработали ещё быстрее и эффективнее, чем при тоталитарном режиме.

Произошло то, что всегда происходило на многовековом тернистом пути прогресса человеческого общества. Чтобы оно, общество это, окончательно не вымерло на длинном историческом пути развития цивилизации, жизненно необходимо периодическое впрыскивание новой густой, насыщенной неуёмной энергией крови в жидкий и вялый кровеносный поток утомленных жирной жизнью народов и народностей. Как показывает исторический опыт, такое вполне может произойти. Крах обожравшейся и погрязшей в роскоши и блуде Римской империи – ярчайшее тому подтверждение. Таким мощным стимулятором стала не растратившая генетические силы могучая и здоровая кровь, подвергнувшаяся в продолжение долгих семидесяти лет принудительной консервации в нетронутых сосудах советского человека. Но наряду с общим положительным эффектом образовались и некоторые негативные моменты кровосмешения. Наши люди, мгновенно освоившись в новой ситуации и усиленно размножаясь на благодатных землях, довольно быстро и успешно принялись теснить хозяев во всех сферах жизни, опираясь на их же жизненные правила, законы и устои, но с привнесением некоторых элементов отечественного фольклора. Помните, да? «Была у зайца избушка лубяная, а у лисы ледяная...». И так далее по тексту. Мы ж рождены, чтобы их сказку сделать нашей былью, а они этого не знали. Жизнь она неоднократно подтверждает годами проверенную истину – желание принудить окружающих жить по своим меркам может и не привести к ожидаемому результату.

Довольно поучителен в этом плане следующий исторический пример. Как повествует история, одному французскому изобретателю, жившему во времена известной французской революции, закончившейся, к слову сказать, так же, как и в нашем случае, ничем, как-то пришла в голову мысль о создании некоего приспособления, позволяющего усовершенствовать маломеханизированный в то время процесс публичной казни. Побуждения учёного мужа, рассчитывающего с помощью свежей научной мысли, облечённой в смелое техническое решение, существенно подсократить поголовье бывшего правящего класса, были самые, что ни на есть по тем временам прогрессивные и соответствовали духу перемен. Навязчивая идея была благополучно реализована и головоотсекающая машина, наречённая в честь автора гильотиной, навсегда обессмертила великое имя учёного. Но поскольку справедливость в этом мире хотя и крайне редко, но всё же торжествует, по прошествии некоторого времени, когда изделие было уже запущено в серийное производство, ситуация для автора проекта сложилась столь неблагоприятно, что прогрессивному учёному одному из первых довелось испытать изобретение на собственной шее. А что? Вполне справедливо. Не рой яму другому. Следуя аналогии, логично будет предположить, что процесс вытеснения славянами и примкнувшими к ним наро-

дами и народностями менее приспособленных европейцев и американцев есть не что иное, как гильотина – справедливое возмездие родоначальникам демократических принципов за нарушение баланса, удерживаемого в недалёком прошлом за счёт противостояния двух различных социальных систем. По крайней мере, таково мнение основной массы бывшего советского народа, по настоящее время болтающегося где-то в переходном периоде и потерявшего надежду прибиться уже неважно к какому берегу – социалистическому ли, капиталистическому. Без разницы, была бы земля, твердь. Не всем, но очень многим уж очень надоела многолетняя изнуряющая качка. Именно в этот исторический момент общество расслоилось как пирог.

Те немногие, кто не был подвержен приступам морской болезни, довольно быстро освоились с ситуацией и, как говорится, распустили паруса. Повсеместно стали появляться состоятельные люди, застроившие окраины городов двух – трёх и четырёхэтажными особняками. Игнорируя малопригодный для езды отечественный автотранспорт, они пересели в иномарки, а отдыхать предпочитали на теплых морях за пределами собственной страны. Не теряя времени в напрасном ожидании спасительного крика «земля», они, умело лавируя в условиях разыгравшейся стихии, быстрее других поняли, в какую сторону необходимо крутить штурвал и какие при этом паруса требуется ставить, а с какими торопиться не следует. Результат не замедлил себя ждать. За очень короткое время собственность, которая прежде числилась как общенародная, претерпела столь существенные и коренные изменения, что окончательно потеряла право так именоваться. Будучи по своей социальной природе диэлектриком, общество преобразовалось в магнит с положительным и отрицательным полюсами. Произошло то, что и должно было произойти по всем законам физики. Часть людей, с разными скоростями солидно и комфортно, двинулась к положительному полюсу. Основную же массу безудержно, вопреки их воле, потянуло к полюсу отрицательному. Появились люди с различным уровнем достатка. Люди маленького и среднего достатка с раннего утра до позднего вечера сутились без сна и отдыха и пытались купить что-то дешевле, а продать дороже – больших денег не имели. Многие отечественные политологи, появившиеся, кстати, тоже неизвестно откуда, объясняли этот феномен результатом различных стартовых возможностей в длинном забеге на выживание. По их мнению, всё зависело от расстояния, отделяющего человека от кресла власти. Именно оно определяло в этот переходный период, что кому дать, кому пообещать, но дать половину, а кому отказать вовсе. Чем короче было это расстояние, тем больше открывалось возможностей протолкнуться в первые ряды и стать авангардом перестройки под прикрытием демократических лозунгов и обещаний скорого пришествия всеобщей райской жизни. Но сами они так долго ждать не желали. В короткое время всё было поделено. Повезло тому, кто успел оказаться в нужное время, в нужном месте. Но счастливых было немного. На всех, как говорится, не хватило. Большую часть общества составили люди бедные, привыкшие во всём полагаться на государство и свято верящие в то, что весь этот кошмар когда-нибудь закончится, и социальная справедливость, о которой за годы советской власти прожужжали все уши, восторжествует. И надежда эта будет теплиться до тех пор, пока не вымрет поколение, еще помнящее ту жизнь, и на смену им придут те, кто родился позже.

К слову сказать, в борьбе за выживание и обладание как можно большим количеством материальных благ участвовало не всё население страны. Существовала категория людей, именуемых в народе бомжами, побирушками, нищими – людьми без определённого места жительства и занятий. Эта часть общества, как правило, не имела ничего: ни постоянного заработка, ни сносного человеческого жилья, ютятся в подвалах, прижимаясь к теплотрассам, прячась в других местах, где хотя бы на время можно было бы укрыться от холодов или непогоды. С течением времени они полностью утратили интерес к жизни, которую и существованием-то назвать невозможно, изобретя свой пригодный только для них способ выживания. С раннего утра до позднего вечера копошились они на свалках и помойках в поисках остатков пищи, бутылок

и старых непригодных вещей, собирая и сортируя макулатуру и тряпье. Куда это всё потом пристраивалось – неизвестно, но, видимо, столь малоприятный труд позволял этим людям как-то существовать.

Именно такая фигура маячила на пересечении двух улиц ранним весенним утром. Глаза, сверкающие лихорадочным блеском на опухшем испитом лице, вот и всё, что ещё жило в этом человеке. Их нетерпеливый взгляд был устремлён на здание, расположившееся напротив, через дорогу. На противоположной стороне улицы во всю ширину первого этажа пятиэтажного дома разместился магазин с лаконичным названием «Стройматериалы». Огромные толстые стёкла, прикрывающие его витрины, были размалёваны рисунками, рекламирующими ассортимент товаров и услуг, предлагаемых магазином. Входная дверь была ещё заперта, но в глубине огромного его чрева уже можно было различить снующие тени продавцов, формирующих витрины, и уборщиц, протирающих полы и стёкла. Мужчину интересовала только дверь. Тем не менее, периферическим зрением он заметил тощую старуху в длинном засаленном халате, тяжёлыми шаркающими шагамидвигающуюся в его сторону.

– Сколько? – поравнявшись с незнакомцем, шамкнула она беззубым ртом.

– Семь минут, – лаконично ответил мужчина, продолжая гипнотизировать дверь.

Часы, подаренные отцом, он пропил много лет назад. Нужды в них не было. С точностью до секунды он мог определить то заветное время, когда гостеприимно распахнувшаяся входная дверь магазина прервёт томительное ожидание. До открытия магазина действительно оставалось семь минут. Ровно в восемь часов молоденькая продавщица отворила дверь и несколько человек, толкаясь и опережая друг друга, ринулись вовнутрь. Наш знакомый оказался самым проворным, сумев стартовать при первых звуках отодвигающихся засовов. Он раньше конкурентов проскочил в открытую дверь, едва не сбив с ног зазевавшуюся продавщицу, и оказавшись внутри, быстрым решительным шагом направился к отделу, над которым красовалась надпись «Бытовая химия». Вынув руку из кармана пальто, небрежно высыпал на прилавок несколько скомканных бумажек и горсть мелочи.

– Две, – буркнул он, не утруждая себя дополнительными разъяснениями, рассчитывая, видимо, на сообразительность работницы прилавка.

Та в свою очередь также не стала задавать лишних вопросов и на прилавке возникли два пузатых литровых пузырька, наполненных голубоватой жидкостью. Аккуратно упаковав обе ёмкости в потёртый полиэтиленовый пакет, мужчина быстрым шагом направился к выходу.

Не задерживаясь даже перед мигающим жёлтым светом светофора, он двинулся вдоль проспекта имени пролетарского вождя и, миновав два квартала, свернул в ближайшую подворотню, примыкающую к правой стороне проспекта. Оставив позади несколько многоэтажных домов, мужчина благополучно достиг двух близнецов зданий, соединённых между собой неказистой аркой, и, нырнув между ними, оказался на территории неухоженного внутреннего двора перед трёхэтажным домом с облезлыми грязно-желтыми стенами, которые всюду, куда только смогла дотянуться творческая рука шкодливого подростка, были обезображены надписями и рисунками бытового содержания. Основная тема, определяемая как «Вовка – дурак» красной нитью проходила через всю идею настенного творчества. Во множественных аналогичных сообщениях коренному изменению подвергалось только первое слово, где Вовка менялся на Сашку, Пашку, Димку, второе же оставалось стабильно неизменным. Кое-где встречались надписи, носящие ярко выраженный сексуальный характер. Самая большая и красочно оформленная сообщала всем заинтересованным лицам, о том, что «Катя любит Мишу». Расположенный несколько в стороне рисунок прояснял самым бестолковым ценителям наскальной живописи механизм этой самой любви. Поверхностная оценка шедевров, представленных на суд случайных прохожих, приводила к неутешительному заключению: рука профессионального маляра лет тридцать, а может быть и больше не облагораживала фасад запущенного строения даже косметическим ремонтом. Расписанные мелом стены, обвалившиеся углы и торчащие

отовсюду ржавые пруты арматуры свидетельствовали либо о плачевном финансовом состоянии коммунальных служб, владеющих этой убитой недвижимостью, либо о его полной бесхозности.

Мужчину не интересовала ни тематика уличного творчества, ни состояние здания. Проскользнув в ближайший подъезд, он, бегом прыгая через две ступеньки, взлетел на второй этаж и особо не церемонясь, пнул ногой ободранную входную дверь. Привыкшая к подобному обращению дверь, жалобно скрипнув навесами, широко распахнулась, обнаруживая вход в неустроенное жильё, которое с большой натяжкой можно было классифицировать как человеческое. По сути, это была однокомнатная типовая квартира, известная в народе как «хрущёвка» или «хрущёба», пребывающая в крайне запущенном состоянии. Изнутри здание выглядело также мерзко, как и снаружи. Стены комнаты, оклеенные много лет не менявшимися грязными обоями, свисающими в некоторых местах рваными кусками, несли на себе печальные следы многочисленных затоплений. Огромная гора мусора на полу, сформированная в основном из скомканных обрывков старых пожелтевших газет и непригодных для сдачи в пункты приёма стеклотары битых пустых бутылок, значительно сокращала полезную площадь комнаты. Лишь по наличию куцей мебели можно было догадаться о том, что в квартире этой ещё обитали живые люди. Старый квадратный стол с сохранившимися кое-где кусками тусклой полировки занимал почётное место посреди комнаты. К нему сиротливо прижимались два стула с фанерными сидениями и трёхногий инвалид-табурет. Чуть дальше у стены вальяжно расположился старый чёрный диван, вышедший из моды лет пятьдесят назад. Завершала композицию стоящая в углу у окна металлическая кровать с сеткой, небрежно прикрытая ветхим тряпьем.

На кровати, повернувшись лицом к стене, спала женщина. Тёплая кофта, первоначальный цвет которой определить было уже крайне затруднительно, мятая серая юбка да спущенные почти до стоп дырявые чулки служили спящей одеждой и покрывалом одновременно.

Вошедший в комнату человек, Нищета Василий Митрофанович, числившийся ответственным квартиросъёмщиком убогой квартиры, тяжело ступая, направился в центр комнаты. Задержавшись у стола, он неторопливо дрожащей рукой извлёк из пакета один за другим два литровых пузырька, приобретенных в магазине строительных материалов, и, стараясь не разбить драгоценную ношу, бережно выставил их на середину стола. Сделав шаг назад, он оценивающим взглядом окинул натюрморт и, по всей видимости, остался доволен увиденным. Не отрывая взгляда от приобретенного товара, попытался сбросить пальто на спинку ближайшего стула, неуклюже подпрыгивая на одной ноге, что ему не без труда, но, в конце концов, удалось сделать. Постояв некоторое время, в раздумье глубокомысленно почёсывая нос, он, наконец, обратил свой задумчивый взор в сторону кровати. Женщина по-прежнему спала. Приблизившись вплотную, мужчина осторожно заглянул в её лицо, вслушиваясь в хриплое дыхание.

– Спишь, что ли? – принялся он тормозить трясущейся рукой спящую. – Проснись, Маня. Проспишь царствие небесное и маленькие земные радости. Муж не с пустыми руками, с товаром вернулся. Э-э-эх, – удовлетворённо потер он ладони, возвращаясь к столу и любуясь пузырьками, – устроим один праздник жизни на двоих... Заодно и здоровье поправим. Видно, перебрали мы с тобой вчера, не рассчитали дозу – болезненно поморщился он. – Лишнее в организм влили. Когда пьешь, разве же поймешь, что оно лишнее? Утром только и постигнешь истину. Как в прежние времена говаривали алхимики, появилась острейшая потребность в восстановлении электролитного баланса в организме на клеточном уровне. Благо, имеем чем.

Не получив ответа на вполне конкретное предложение, Нищета повышает голос, нетерпеливо сверля взглядом спину спящей.

– Я долго буду вещать над неподвижным телом или требуется применить более радикальные меры для пробуждения спящей красавицы?

Женщина пошевелилась, обнаруживая первые признаки жизни. Кряхтя и охая, она тяжело поднялась и уселась на край кровати, обводя комнату мутным, бессмысленным взглядом.

– Какие там ещё алхимики? – зевнув во весь рот, потянулась она.

– Известно, какие, – хитро ухмыльнулся Нищета, – химики – алкоголики. Кто же ещё?

– Господи, неужто и такое водится в православном мире? – не поверила Маня.

– Встречаются ещё кое-где специалисты столь узкого профиля, – Нищета тяжело сел на один из стульев, с тревогой прислушиваясь к его скрипу. – Но давай оставим лишние разговоры и перейдём ближе к делу, как любил говаривать один из моих прежних наставников, – продолжил он, убедившись, что стул на этот раз выдержит. – И вот, что характерно, букву «д» он произносил не совсем четко, поэтому фраза в его авторском исполнении звучала, как «ближе к телу». Вот где была потеха-то. Мужики веселились от души, у женской же части аудитории столь двусмысленное предложение вызывало нервозность и нездоровый румянец на щеках. Д-а-а-а. Воспоминания юности былой... Что-то я отвлекся. Так вот о главном, – переходя на деловой тон, продолжил он. – Пока ты, любовь моя, воздух в квартире перегаром освежала, я уже успел кое-что организовать к завтраку. Как гласит народная мудрость, кто раньше встаёт, тому судьба льготы даёт.

Слова на женщину подействовали благотворно. Лицо ее приобрело осмысленное выражение. Заметив пузырьки на столе, она хищно улыбнулась, судорожно сглотнув слюну.

– Вижу, вижу, не с пустым клювиком прилетел, голубь, – прохрипела она пропитым голосом.

– А как же. Не железнодорожник, порожняк гонять – не мой стиль, – Нищета нетерпеливо щёлкнул пальцами. – Давай, мышонок, шевелись шустрее, – пророкотал он, сверля спутницу жизни нетерпеливым взглядом. – Что у нас из вчерашних деликатесов осталось – хлебные крошки или картофельные очистки? Всё неси, пировать будем.

Маня, тяжело поднявшись с кровати, побрела к столу, чувствуя, как с каждым шагом разминаются затекшие суставы ног и уменьшаются подагрические боли в стопах. Взяв в руки пузырек, принялась внимательно рассматривать этикетку. Она долго и беззвучно шевелила толстыми губами, пытаясь вникнуть в смысл прочитанного текста.

– Так, так. Это что за натурпродукт такой, науке неизвестный? – наконец осведомилась она, брезгливо нюхая пробку. – Что-то не могу разобрать, как принимать эту жидкость интеллигентной женщине? По столовой ложке или по стакану три раза в день; натощак, после еды или вместо еды? И вообще, не имеет ли он, не дай Бог, противопоказаний или побочных эффектов, как шутят наши медики?

Пауза затянулась. Нищета не скрывая раздражения, мрачно наблюдал за ленивыми манипуляциями сожительницы.

– Хочешь пояснений? Изволь. В демократическом обществе потребитель всегда имеет право на информацию о продукции, которую хочет применить к своему организму. Так вот принимать этот напиток требуется, – наконец не выдерживает он, – по жизненным показаниям, чтобы оросить иссушенную похмельем душу. А поскольку в нашем спитом дуэте я являюсь главным экспертом по любым напиткам, крепость которых измеряется в градусах, то со всей присущей мне ответственностью заявляю: научных исследований в обозримом будущем проводить не будем. Приступим сразу к экспериментальной части проекта. И не надо так долго портить зрение, отыскивая знакомые буквы и слова. Люди обычно учатся читать по букварю, а не по этикетке, – продолжая говорить, он вплотную приблизился к женщине. – И конспектировать, тоже не требуется... Не «Капитал» Маркса. Впрочем, какие могут быть конспекты, если в этой квартире уже лет пять, как не найдёшь ни карандаша, ни ручки, ни каких-либо других письменных принадлежностей. Да и сама из себя ты уже девочка – переросток, если брать по большому счёту, – ухмыльнулся он, окинув женщину критическим взглядом. – Как-

никак, пятый десяток пошёл. Поздно тебе грамоте-то учиться, а? Раньше надо было за ум браться. Так что, займись-ка лучше делом. Давай, мечи на стол по полной программе.

Маня, презрев гневный монолог сожителя, продолжала исследовать этикетку с тем же неослабевающим интересом.

– Не торопись, успеем, – выдержав достойную паузу, спокойно вымолвила она, игнорируя сарказм супруга. – Наше счастье от нас не уйдёт, с нами и останется. А вот здоровье – оно хотя с рождения и бесплатно человеку выдаётся, но не казённое ведь, а своё собственное. Беречь его надо здоровье-то. При той многотрудной жизни, которую мы с тобой, Вася, ведём подорвать его пара пустяков. Так чем же сегодня мы порадуем свою страждущую плоть? Судя по этикетке, может быть даже в последний раз в этой жизни. Вот, пожалуйста, так я и знала. Не доведёт тебя до добра образование. Тут же ясно написано: жидкость для обработки деревянных покрытий. И дальше по тексту, обрати внимание, запрещено к внутреннему употреблению. А ниже ГОСТ какой-то и цифры. Это что-то новенькое в нашем меню. Так мы скоро и горюче-смазочными управляться станем.

– Эх, Маня! – грустно промолвил Нищета, устало опускаясь на край кровати. – Вот слушаю я тебя, слушаю и всё больше убеждаюсь, что ты у меня дура не потому, что дура, а потому, что женщина с незаконченным средним образованием. Предупреждал же Ленин недоразвитую молодёжь в своё время. Учись, говорил он. Три раза повторил на всякий случай. Чувствовал вождь, что некоторым тугодумам одного раза маловато будет. Вот и ты проявила легкомыслие в вопросе повышения уровня образования, и как следствие – печальный результат. Буквы ты, вроде, узнаешь, а глубоко в суть вопроса вникнуть не можешь. Кто же тебе будет на этикетке писать, что жидкость эта помимо прямого своего предназначения ещё и к внутреннему употреблению пригодна. Это сколько же в стране деревянных покрытий необработанными останется, а? Вот и я говорю – много. А мы к этому вопросу подойдём творчески, – бережно взяв в руки сиротливо стоящий на столе пузырёк и нежно поглаживая выпуклые стеклянные бока, мечтательно улыбнулся он. – Освоим способ нетрадиционного применения продукта. Переведём его из разряда технические жидкости в разряд освежающие напитки. ГОСТ же Маня – это гарантия качества нектара. Впрочем, для полного спокойствия я бы обязал бы каждого производителя указывать собственную фамилию на товаре для широкого употребления. От такого нововведения большого вреда не будет. Даже польза некоторая – точно будешь знать, кто тебе здоровье подорвал и чем.

– Нет, не припоминаю я, чтобы мы чего-нибудь в этом роде злоупотребляли, – всё глубже и глубже погружалась в пучину сомнений Маня, – Тебя послушать, так пьётся всё, что капает и льётся. Я согласна, – задумчиво почёсывая нос, осторожничала она, – если продукт жидкий и с градусами, то его можно пить и без назначения врача. Но есть те ещё напитки... Захлебнёшься с непривычки. Один раз выпил и всё. А потом, как говорится, тебя оденут в строгий костюм и белые тапки, правильно сложат ручки на грудке, и сердобольные старушки туда свечечку вставят, попричитают, споют что-нибудь подходящее к случаю и в последний путь проведут. Оно бы все ничего, но ты же знаешь, белое меня старит, особенно обувь.

Нищета погрустнел лицом.

«Чёрт побери! – уныло подумал он, грустно взирая на опутанную сомнениями Маню. – В который уже по счёту раз приходилось разъяснять этому недоразвитому существу, что белое – это белое, а всё остальное – разноцветное. Ну, нет денег на водку. Нет, и не предвидится их появление в обозримом будущем».

Конечно, он мог бы не тратить попусту дар убеждения, если бы не одно «но». Василий Митрофанович не любил пить в одиночку. Ну, не получал он удовольствия, оставаясь тет-а-тет с бутылкой. Ему нужен был оселок, точило, на котором можно было бы оттачивать сталь своего красноречия, блистать широтой и глубиной нестандартного мышления и остатками эрудиции былой. Маня, как никто другой, подходила на эту неблагодарную роль. Высокопарные

застольные речи сожителя она благоговейно выслушивала, не позволяя себе перебивать их даже короткими репликами.

Стараясь придать голосу твёрдость и убедительность, Нищета сделал робкую попытку за фальшивой бодростью скрыть собственную неуверенность и ноющий страх. Глубоко в душе он разделял опасения женщины. Непредсказуемость последствий приёма голубой жидкости внутрь организма пугала, но дешёвизна и солидный объём продукта, помноженный на непреодолимое желание выпить, подавляли логику здравого смысла. В короткой внутренней борьбе за явным преимуществом победу одержало желание. К тому же, вдвоём экспериментировать было не так боязно.

– Отбрось сомнения, любовь моя? – мягко, но настойчиво уговаривал он Маню. – Рецепт, поверь мне, простой и в тоже время надёжный как родословная английской королевы.

– Так-то оно так..., – подозрительно косясь на лъстивого сожителя, продолжала упорствовать в своём заблуждении Маня.

Выпить ей хотелось несколько не меньше, чем Василию Митрофановичу, но неизвестность пугала. Наслышавшись страшных историй об отравлениях, судорогах, потерях зрения и прочих подобных ужасах, довольно часто случавшихся с побирушками, нищими, бомжами и прочей подобной публикой, она жаждала хотя бы каких-нибудь, пусть даже самых минимальных гарантий того, что в этот раз её минует чаша сия.

– Не убедил, понимаю. Тебе нужны более веские аргументы, – сдался Нищета, судорожно выискивая в закоулках своего изошрённого по части всяких ухищрений и придумок мозга аргументы, способные переубедить испуганную женщину. – Чего только не сделаешь ради сохранения в семье хрупкого ростка доверия. Будь по-твоему. Открою тебе тайну происхождения этого изумительного по своим вкусовым качествам лечебного напитка. Ты не поверишь, но он добыт из местного целебного источника под названием магазин «Стройматериалы». А бьёт ключом конкретно в отделе «Бытовая химия». Уразумела? Не спорю, – торопливо продолжил он, заметив, что Маня с испугом отодвинула пузырёк на край стола, – в чём-то ты права. Для непосвящённых эта живительная влага закодирована как средство для обработки деревянных покрытий. Но обращаю твоё внимание на ключевые слова – спиртовой раствор! Вот в чём, собственно, и заключается главное его преимущество перед известными минеральными водами. Короче говоря, товар без обмана. Ёмкость – литр. Цена смешная, ниже рыночной сантиметров на двадцать, что в стоимостном выражении весьма существенно для нашего скромного семейного бюджета. А поскольку, как мне известно, ты не состоишь в обществе трезвости, я взял две. Доза терапевтическая и где-то даже лечебная. Так что можно смело принимать вовнутрь, даже если у тебя там нет ничего деревянного.

Маня, внимательно прослушав монолог, к своему величайшему огорчению, признала аргументы сожителя неубедительными. Но неумное желание выпить, охватившее каждый похмельный нейрон её мозга, росло в геометрической прогрессии, нивелируя остатки страха, и вскоре окончательно рассеяло сомнения. Решение было принято бесповоротное, пересмотру и корректировке не подлежало.

– Я такая слабохарактерная, меня так легко уговорить, – кокетливо заворковала она, скрываясь за дверь, ведущей в кухню.

Донесшиеся до слуха Нищеты возня и звон посуды возвестили о начале приготовления к трапезе. Прошло несколько томительных минут ожидания. Маня явно затягивала и усложняла привычную процедуру. Василий Митрофанович нетерпеливо барабанил пальцами по столу, выказывая крайнюю степень раздражения непростительно медленными действиями хозяйки. Наконец через семь минут тридцать секунд его терпение лопнуло.

– Какие у нас опять проблемы? – заорал он, злобно подпрыгивая на стуле. – Мы сегодня похмелимся или трезвость теперь у нас – норма жизни?

– Да иду уже, иду, не шуми, – отозвался из-за двери Манин певучий голос.

Вскоре и сама она возникла в дверном проёме, неся в правой руке миску, которую с большой натяжкой можно было классифицировать как эмалированную с несколькими картофелинами в мундирах, солёным огурцом и небольшим ломтиком хлеба. Другая рука, изуродованная полиартритом, придерживала пару грязных стаканов. Семена отёчными ногами с изяществом перекормленной утки, она пересекла комнату и, аккуратно расставив посуду на столе, присела на край стула.

– Совсем другое дело, – оживился Василий Митрофанович. – Ведь можешь же быть гостеприимной хозяйкой, если захочешь. Как шутили педагоги в дни моей школьной юности ты, у нас, Маня, способная, но ленивая. – Бережно положив руку женщине на плечо, он продолжил доверительным тоном. – Вспомни, разве мы когда-либо стремились к тому, чтобы наш стол ломился от изысканных яств и напитков. Нет! Всегда удовлетворялись тем немногим, что попадало под определение «выпивка и закуска», пусть даже с очень большой натяжкой. Что еще можем требовать от жизни мы – люди со столь скромными запросами? Наш непритязательный глаз и этим малым крохам рад. Даже от такого скудного натюрморта на душе теплее становится и уютнее. Праздник жизни чувствуется, – продолжал вещать он, степенно разливая жидкость по стаканам. – Глаз – алмаз. Всем поровну и как раз по пояс, названный в твою честь Марусиным, – установив стаканы рядом, констатировал он неоспоримый факт. – Присаживайся поскорее. Не будем нарушать добрых семейных традиций.

– Много не лей, – посоветовала Маня, проявляя свойственную женщинам осторожность. – Чёрт его знает, что химики в этом спирте развели. Им бы только нормальный продукт испоганить.

Нищета торжественно приподнялся, вытянув правую руку с зажатым в ней стаканом, и прокашлялся. Он обожал эти наполненные триумфом минуты, когда ораторский дар его был востребован и благодарная аудитория, представленная исключительно Маниным испитым лицом, безропотно и с явным одобрением внимала всему сказанному.

– Ну, Маня, дай Бог не последнюю, и не дай Бог последнюю. Всё-таки продукт неизвестной этиологии, не прошедший экспериментальную апробацию. Здесь ты, пожалуй, где-то даже права. Надо бы вначале напиток на простейших живых организмах испытать. Хотя бы на том же Петровиче из двенадцатой квартиры. Определить, так сказать, приемлемую дозу. Но сама знаешь – экономические и прочие трудности. А Петровичу что не дай, все проглотит, не подавится. У него желудок кафельный. С другой стороны, в отечестве нашем издавна так повелось, что плоды своих пионерских изысканий учёные-первооткрыватели всегда на себе испытывали. Так что давай, пей первая, любимая.

– А сам-то, чего лямку тянешь? – Маня, отставив стакан в сторону, подозрительно покосилась на Нищету.

– Видишь ли, дорогая, меня как исследователя и где-то даже экспериментатора, мучительно беспокоит один важнейший вопрос, связанный с адаптацией этого напитка к нашим организмам.

– Что-то я не поняла. Какой там ещё вопрос? – насторожилась Маня.

– Важнейший, Маня, вопрос. Мне хотелось бы путем проведения этого уникального эксперимента установить некий физиологический критерий...

– Ты не можешь с собачьего языка перейти на простой русский? – поинтересовалась Маня.

– Пожалуйста. Проще говоря, я хочу узнать, агония у тебя наступит сразу же после приёма напитка или ей будет предшествовать небольшой инкубационный период, – закончил прерванную мысль Василий Митрофанович.

Женщина, тревога которой нарастала с каждой секундой, пыталась вникнуть в смысл сказанного. Нищета, ухмыляясь растерянности подруги, поднёс стакан ко рту и не спеша его осушил.

– У-у-ух, – Нищета ударил пустым стаканом о стол и понюхал рукав. – Крепкая зараза. Ну, чего испугалась, глупая? Шутка это. Шучу я так.

– Шутит он. Шутник, – недовольно ворча, скривилась Маня.

Сделав длинный, как учили, выдох она тоже торопливо проглотила жидкость. Уронив стакан на стол, Маня, уподобившись лошади в стойле, долго трясла головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.